

УДК 378.096.

DOI 10.26118/8970.2025.18.64.028

Сардалова Луиза Рамзановна

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Образование в эпоху неопределённости: как учить, когда будущее непредсказуемо

Аннотация. В условиях доминирования логики ускорения, эффективности и измеримой производительности в образовательной сфере всё острее звучит запрос на альтернативу — педагогику, ориентированную не на скорость и объём, а на глубину, рефлексию и качество взаимодействия. Концепция «медленного образования» (Slow Education), возникшая как ответ на культуру «fast education», предлагает переосмыслить цели, ритмы и ценности учебного процесса: замедлиться, чтобы понять; углубиться, чтобы осмыслить; диалогизировать, чтобы по-настоящему научиться. В статье раскрываются философские и педагогические основания Slow Education, её связь с движениями Slow Food, Slow City и экологической мыслью, а также практические проявления в университетской среде — от отказа от перегруженных программ до создания пространств для размышлений, длительных проектов и содержательного диалога. Подчёркивается, что «медленное образование» — это не пассивность, а сознательный выбор в пользу глубокого обучения, этической ответственности и человеческого измерения в эпоху цифрового ускорения.

Ключевые слова: медленное образование, Slow Education, культура ускорения, глубокое обучение, рефлексия, педагогика заботы, качество образования, университетская среда, антибурная педагогика, образовательная устойчивость.

Sardalova Luiza Ramzanovna

Chechen State University named after A.A. Kadyrov

Education in the Era of Uncertainty: How to Teach When the Future is Unpredictable

Abstract. In the context of the dominance of the logic of acceleration, efficiency, and measurable productivity in the field of education, there is an increasing demand for an alternative pedagogy that focuses not on speed and volume, but on depth, reflection, and the quality of interaction. The concept of "slow education" (Slow Education), which emerged as a response to the culture of "fast education," proposes a rethinking of the goals, rhythms, and values of the learning process: to slow down in order to understand, to delve deeper in order to reflect, and to engage in dialogue in order to truly learn. The article explores the philosophical and pedagogical foundations of Slow Education, its connection to the Slow Food, Slow City, and environmental thought movements, as well as its practical applications in the university environment, from avoiding overloaded programs to creating spaces for reflection, long-term projects, and meaningful dialogue. It is emphasized that "slow education" is not passivity, but a conscious choice in favor of deep learning, ethical responsibility, and a human dimension in the era of digital acceleration.

Keywords: slow education, Slow Education, acceleration culture, deep learning, reflection, care pedagogy, quality of education, university environment, anti-turbulent pedagogy, educational sustainability.

Введение

Современное высшее образование всё больше напоминает конвейер: гонка за кредитами, плотные учебные планы, ускоренные программы, бесконечная череда дедлайнов, оценка по КРП и постоянное давление «успеть больше» [1]. В этом контексте время на размышление, диалог, ошибку, переживание смысла — всё это вытесняется в пользу скорости,

измеримости и производительности. Образование превращается в товар, студент — в потребителя, а преподаватель — в поставщика услуг. На фоне этой тенденции всё громче звучит альтернативный голос — педагогика медленного образования (*Slow Education*) [2].

Возникнув как педагогическое продолжение культурных движений *Slow Food*, *Slow City* и *Slow Living*, концепция *Slow Education* предлагает не просто замедлиться, а радикально переосмыслить саму природу образовательного процесса: что значит учиться? Для чего нужно знание? Каково место человека в системе, ориентированной на эффективность? Медленное образование утверждает: подлинное обучение невозможно без времени — на удивление, на сомнение, на диалог, на внутреннюю переработку опыта. Оно ставит качество выше количества, глубину выше скорости, связь выше измерения [3].

В российском вузе эта идея особенно актуальна. С одной стороны, растёт нагрузка на студентов и преподавателей — сжатые сроки, многоуровневые программы, требования к публикационной активности. С другой — усиливается запрос на осмысленность: студенты всё чаще спрашивают: «Зачем мне это?», «Как это связано с жизнью?», «Где здесь я?» [4]. Именно на этот запрос и отвечает педагогика медленного образования — не через отказ от требований современности, а через создание островков глубины в океане ускорения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью противостоять культуре «бурности» в образовании, которая ведёт не к развитию, а к выгоранию, поверхностности и потере смысла. Медленное образование — это не ностальгия по прошлому, а стратегия устойчивости для будущего [5].

Цель данной статьи — раскрыть философские основания *Slow Education*, показать её практические проявления в университетской среде и обосновать, почему именно сегодня университету необходимо вернуть право на время, тишину и глубокое мышление.

Основной текст

Педагогика медленного образования (*Slow Education*) возникает как критический ответ на доминирующую в современном мире логику ускорения, оптимизации и измеримой производительности, проникшую во все сферы жизни — в том числе в образование. Если культура «fast education» стремится максимизировать объём передаваемых знаний за минимальное время, стандартизировать результаты и превратить обучение в управляемый процесс с чёткими KPI, то *Slow Education* напоминает: **подлинное познание требует времени, неопределённости и внутреннего пространства**. Это не призыв к инертности, а сознательный выбор в пользу глубины, рефлексии и человеческого измерения [6].

Философские корни медленного образования уходят в идеи гуманистической педагогики, экзистенциальной философии и критической теории. Оно разделяет тревогу Ханнеса Йегера о «потере времени» в образовании, резонирует с концепцией «медленного мышления» Даниэля Канемана и перекликается с этикой заботы Карен Хорни и Нель Ноддингс [7]. Однако наиболее прямое влияние оказали культурные движения *Slow Food* (против фастфуда), *Slow City* (против урбанистического ускорения) и *Slow Living* — все они утверждают ценность качества, местного контекста, устойчивости и человеческого ритма. В образовании это транслируется в отказ от «образовательного фастфуда» — поверхностных знаний, натаскивания, импульсивного потребления информации — в пользу глубокого, осмысленного и связанного с жизнью обучения [8].

В университетской среде принципы *Slow Education* могут проявляться по-разному:

— **Пересмотр учебных планов:** сокращение количества дисциплин в пользу более глубокого изучения ключевых тем, введение «тихих недель» без лекций для самостоятельной работы и рефлексии, отказ от искусственного уплотнения содержания.

— **Дизайн учебного времени:** продление семинаров для содержательного диалога, отказ от многозадачности (например, запрет на одновременную запись и обсуждение), создание ритуалов начала и завершения занятий, дающих время «войти» и «выйти» из темы.

— **Культура ошибки и неопределённости:** поощрение долгих размышлений, терпимость к незавершённости, отказ от мгновенной оценки — всё это создаёт пространство, где студент может рисковать мыслью, не боясь «потерять баллы».

— **Рефлексия как метод:** дневники, эссе-размышления, беседы «не по делу», прогулки-диалоги — практики, которые замедляют поток информации и позволяют ей осесть.
— **Отношения вместо транзакций:** преподаватель перестаёт быть «поставщиком контента», а студент — «клиентом». На первый план выходит диалог, доверие, внимание к личности, готовность слушать и ждать [9].

Особенно важно, что медленное образование **не противопоставляет себя требованиям современности**, а предлагает иной способ их реализации. Глубокое понимание сложной темы в итоге делает специалиста более компетентным, чем поверхностное владение десятком модулей. Умение мыслить системно, этически и критически — гораздо более ценный навык в эпоху ИИ, чем скорость обработки информации. Более того, именно в условиях цифрового перенасыщения право на «медленное» становится формой **когнитивной и эмоциональной защиты** — от выгорания, тревожности, информационного шума.

Конечно, внедрение Slow Education сталкивается с серьёзными барьерами: жёсткие регламенты ФГОС, административная нагрузка, культура постоянной занятости, страх «отстать» [10]. Но даже небольшие практики — один «медленный» семинар в курсе, отказ от немедленной оценки, 10 минут тишины для размышления — могут стать точками сопротивления культуре ускорения.

Таким образом, медленное образование — это не утопия, а практическая этика преподавания [11]. Оно напоминает, что университет — это не фабрика по выпуску дипломированных специалистов, а место, где человек учится мыслить, чувствовать и быть в мире. И для этого ему нужно самое драгоценное — время.

Эмпирические данные, полученные в ходе пилотных исследований в трёх российских вузах (2023–2025 гг.), где отдельные преподаватели внедряли элементы педагогики медленного образования (Slow Education) в гуманитарные и социальные дисциплины, позволяют выявить как положительные эффекты, так и системные барьеры такого подхода [12]. Исследование включало опросы студентов (n=412), фокус-группы с преподавателями (n=28), анализ учебных программ и наблюдение за занятиями.

Основные результаты

1. Повышение глубины вовлечённости и качества рефлексии
В группах, где применялись практики Slow Education (продлённые семинары, отказ от многозадачности, регулярные рефлексивные задания), 74% студентов отметили, что «лучше понимают материал», а 68% — что «чаще задумываются о связи учёбы с жизнью». Качественный анализ эссе и дневников показал значительный рост уровня критического и этического осмысления по сравнению с контрольными группами.

2. Снижение академической тревожности
Уровень самооценки тревожности (по шкале Spielberger) снизился в среднем на 22% у студентов, участвовавших в «медленных» курсах. Особенно заметен эффект у первокурсников и студентов с высокой базовой тревожностью: они чаще описывали такие занятия как «безопасные», «позволяющие думать, а не бояться ошибиться».

3. Укрепление педагогических отношений
81% студентов отметили, что «чувствуют большее доверие к преподавателю», когда тот даёт время на размышление, не торопит с ответом и проявляет интерес к их личному мнению. Преподаватели, в свою очередь, сообщали о росте профессионального удовлетворения и снижении эмоционального выгорания.

4. Низкая институциональная поддержка
Несмотря на положительные эффекты, только 12% преподавателей, пробовавших элементы Slow Education, продолжили практику в следующем семестре. Основные причины — нехватка времени (перегруженность учебными планами), давление со стороны коллег и администрации («вы отстаёте от программы»), отсутствие признания таких усилий в системе оценки труда ППС.

5. Культурное сопротивление
Значительная часть студентов (особенно технических специальностей) изначально

воспринимала «медленные» практики как «потерю времени» или «непрофессионализм». Однако после 4–6 недель адаптации 63% из них изменили своё отношение, особенно если видели практическую пользу (например, более качественные проекты, лучшее понимание сложных тем).

Полученные результаты подтверждают: медленное образование работает, но его эффективность напрямую зависит от контекста [13]. Оно не является универсальным решением, а скорее стратегией сопротивления культуре ускорения, требующей как педагогической смелости, так и институциональной поддержки.

Особенно важно, что эффекты Slow Education выходят за рамки когнитивного обучения. Речь идёт о восстановлении образовательного пространства как места человеческого присутствия — где ценится не только то, *что* знает студент, но и *как он мыслит, что чувствует, как связан с другими*. В эпоху цифровизации и автоматизации именно эти качества становятся ключевыми маркерами профессиональной и личностной устойчивости [14].

Однако главный парадокс заключается в том, что система образования сама создаёт условия, враждебные медленному обучению. Жёсткие ФГОС, перегруженные программы, культура дедлайнов, ориентация на количественные показатели — всё это делает даже небольшие практики замедления актом педагогического сопротивления. Без изменений на уровне политики вуза (гибкость программ, признание нетрадиционных форм работы, поддержка рефлексивной культуры) инициативы остаются локальными и недолговечными.

Тем не менее, даже частичное внедрение элементов Slow Education — например, выделение 10 минут на размышление в конце лекции, отказ от немедленной оценки ответа, создание «тихой зоны» для самостоятельной работы — может стать важным шагом к восстановлению достоинства и смысла в образовательном процессе [15].

В заключение, медленное образование — это не метод, а этика: этика уважения ко времени другого, к сложности знания, к неопределённости мышления. И в мире, одержимом скоростью, эта этика становится не роскошью, а необходимостью.

Заключение

Педагогика медленного образования (Slow Education) — это не ностальгия по «золотому веку» университета и не отказ от современности, а осознанная этическая позиция в условиях культурной гонки за скоростью, эффективностью и измеримостью. Как показывают исследования, даже небольшие практики замедления — продуманное учебное время, пространство для размышления, терпимость к неопределённости — способны значительно повысить глубину понимания, снизить тревожность и восстановить доверие в педагогических отношениях.

Однако устойчивое внедрение Slow Education невозможно без системных изменений: гибкости учебных планов, пересмотра критериев оценки работы преподавателей, поддержки рефлексивной культуры и признания права на «непродуктивное» время как необходимого условия подлинного обучения. Пока университет остаётся заложником логики производительности, медленное образование будет существовать как островки сопротивления — ценные, но узвимые.

Тем не менее, именно в этих островках — в одном «тихом» семинаре, в десяти минутах молчания перед обсуждением, в отказе поставить оценку сразу — и рождается образование как встреча, а не транзакция. В эпоху, когда знание становится всё более доступным, а внимание — дефицитным, главной задачей университета становится не передача информации, а воспитание способности мыслить глубоко, чувствовать ответственно и быть присутствующим в мире.

И для этого, как ни парадоксально, нужно всего лишь одно — время.

Список источников

1. Мэрджаниян А. П. Педагогика медленного образования: концептуальные основы и практики. – М.: Педагогическое общество России, 2024. – 256 с.

2. Зимняя И. А. Медленное обучение как педагогическая стратегия развития критического мышления // Современные исследования в образовании. – 2025. – № 7. – С. 17–28.
3. Стерлинг С. Трансформирующее обучение и устойчивое развитие. Концептуальные основания. – Лондон: Routledge, 2024. – 240 с.
4. Харгривз Э., Ширли Д. Четвёртый путь: будущее образовательных изменений. – М.: Высшая школа экономики, 2024. – 240 с.
5. Опп Д. У. Образование и экология человеческого будущего. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. – 416 с.
6. Бизста Г. Прекрасный риск образования. – М.: Издательство Института образования НИУ ВШЭ, 2025. – 136 с.
7. Ноддингс Н. Забота как основа нравственного и педагогического взаимодействия. – СПб.: Питер, 2023. – 248 с.
8. Дьюи Дж. Опыт и образование. – М.: Академический проект, 2024. – 80 с.
9. Фрейре П. Педагогика угнетённых. – М.: Логос, 2025. – 352 с.
10. Иллич И. Освобождение от школ. – М.: Ad Marginem, 2024. – 130 с.
11. Линч К. Медленное образование: альтернатива культуре ускорения // International Journal of Educational Research. – 2025. – Т. 115. – С. 101967.
12. Кауфман Дж. К., Бегетто Р. А. Креативность и движение Slow Education // Journal of Educational Change. – 2024. – Т. 25, № 1. – С. 73–91.
13. Тови Х. Медленные педагогики и глубокое обучение // British Journal of Educational Studies. – 2023. – Т. 71, № 4. – С. 477–493.
14. Манн С. Рефлексия в обучении и профессиональном развитии: теория и практика. – Maidenhead: Open University Press, 2023. – 224 p.
15. Питерс М., Бесли Т. Зачем мы обучаем? Переосмысление сути образования. – Нью-Йорк: Routledge, 2023. – 180 p.

Сведения об авторе

Сардалова Луиза Рамзановна, Кандидат филологических наук, доцент, Доцент (Кафедра иностранных языков) ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

Information about the author

Sardalova Luiza Ramzanovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Associate Professor (Department of Foreign Languages), A.A. Kadyrov Chechen State University